

Проснувшись, Обито понял, что что-то не так.

Именно в том, что он проснулся, и заключалась проблема.

Он не должен был "просыпаться", не должен был ничего чувствовать или видеть. Почему? Ну, потому что он умер. Он должен был умереть.

Он был поглощен сияющим белым светом, погружен в вечный сон, и ему была обещана свобода от мира и его прошлых грехов.

Или, может быть, его должны были отправить в ад, чтобы он искупил все свои грехи, всех невинных людей, которых он убил или к смерти которых приложил руку.

Как бы то ни было, "проснуться" не входило в его довольно короткий список дел, и по какой-то причине он проснулся и был жив. Он дышал.

И проблема заключалась в том, что он не должен был дышать.

Дрожащие руки поднесли его к лицу, и он понял, что что-то еще не так.

Кожа была гладкой и молодой, на ней не было ни единой складки - ни хмурых морщин, появившихся у него за годы перенесенных страданий, ни шрамов, образовавшихся в результате введения в кожу клеток Сенджу.

Он оглядел комнату, рассеянно отметив, что находится в давно забытой комнате, и бросился к зеркалу во весь рост, стоявшему у шкафа.

Его глаза расширились.

Он был одет в знакомую синюю пижаму, которая была изрезана аляповатыми веерами Учихи, которыми он так дорожил в юном возрасте.

Ростом он был на метр ниже, чем в последний раз. Как он и думал, у него отсутствовали шрамы, полученные после событий в Кусагакуре, а лицо...

Он скривился. У него было не только два глаза, оба цвета оникса вместо несочетаемых черных и рябых амарантовых, но и заметно помолодевшее лицо.

Оно было круглее, щеки полнее, что придавало ему сходство с херувимом, и в целом он выглядел довольно... невинно. Если не обращать внимания на надвигающуюся тьму в двойных черных дырах, которые были его глазами.

Там стоял Учиха Обито, человек 31 года, проживший грешную жизнь, человек, ставший причиной Четвертой мировой войны шиноби, человек, сражавшийся с Дитя Пророчества и проигравший, человек, который, по всем правилам, должен был умереть.

Его спас Наруто, а он, в свою очередь, пожертвовал своей жизнью ради мальчика, который нес на своих плечах весь мир.

Да, он должен был умереть, и это вызывало определенную гордость - знать, что он умер за правое дело.

Пожертвовать своей жизнью, чтобы защитить старого друга и Дитя Пророчества? Безусловно, это можно считать добродетельным поступком. Если только тот, кто жертвует, действительно

умер.

И всё же он оказался не просто жив, а в теле своего двенадцатилетнего "я".

С тяжелым вздохом Обито провел рукой по лицу, разглаживая складки, которые создавала его привычная, почти постоянная хмурость.

Как он оказался в такой ситуации? Первая мысль, которая пришла ему в голову, была о том, что все это - гендзюцу. Но только Бесконечное Цукуёми могло создать мир, настолько похожий на оригинал, настолько идеально повторить реальный мир.

Не могло быть и речи о том, чтобы "обычное" гендзюцу - даже Цукуёми - могло остаться незамеченным им, так что это было единственным логическим объяснением. Но если это так, если Обито действительно находился в Бесконечном Цукуёми...

Неужели Наруто потерпел неудачу?

Он почувствовал, как его захлестнуло сильное чувство вины, печали и гнева. Неужели Кагуя оказалась слишком могущественной для Наруто и Сасукэ? Он считал, что можно оставить все на усмотрение Наруто.

Он думал, что мальчик сможет найти способ победить Кагую и привести мир шиноби к миру, а не к раздорам и боли, к которым он почти всегда приводил.

Несмотря на то, что он возлагал все свои надежды на светловолосое Дитя Пророчества, он не испытывал разочарования.

Нет, он не испытывал ни малейшего разочарования по отношению к блондинке. Более того, он был уверен, что даже если Наруто потерпит неудачу, мальчик будет сражаться до конца, чтобы защитить свой народ.

Мальчик всегда боролся, чтобы защитить тех, кто был ему дорог, - от рождения, когда он стал Джинчурики Кьюби, до смерти, когда он сражался с Кагуей, чтобы спасти мир.

Даже если бы Наруто потерпел поражение, он мог бы сказать, что не дрогнул. Сказать, что он старался изо всех сил и был свободен от всех грехов.

Обито не мог сказать того же.

Это была его вина. Во всем, во всем он был виноват. И, похоже, он понял это слишком поздно.

Обито посмотрел на книжную полку и почувствовал небольшое облегчение, увидев знакомую рамку с фотографией. Он подошел к дубовой раме и посмотрел на фотографию.

Рин в центре, улыбающаяся. По бокам - Какаши и Обито.

<http://tl.rulate.ru/book/80947/2510440>